

18+ Ольга Карагодина

# *А-УН НО КОКЮ*



Ольга Карагодина  
**А-УН НО КОКЮ. Повесть**

«Издательские решения»

**Карагодина О.**

А-УН НО КОКЮ. Повесть / О. Карагодина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515209-1

Виной, быть может, грехи людские, но только появился он в Азии и начал своё шествие по миру, разрастаясь лавиной, охватывая море людское везде, где только оно было, собирал в жертвы белые, жёлтые и красные расы по всей земле. И никто не знал, как спастись от него, как остановить. Книга рассказывает о наших современниках, проходящих сквозь сложные человеческие отношения, о темах выживания, вопросах соперничества в научном мире, долга, о падении и возрождении, о жизненных уроках и свете любви.

ISBN 978-5-00-515209-1

© Карагодина О.  
© Издательские решения

## Содержание

Ольга КАРАГОДИНА	6
2	8
3	10
4	12
5	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

# **А-УН НО КОКЮ**

## **Повесть**

**Ольга Карагодина**

*Редактор* Елена Васильевна Степанова

© Ольга Карагодина, 2020

ISBN 978-5-0051-5209-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

# Ольга КАРАГОДИНА

## А-ун но кокю

### Рассказ



#### 1

За окном разыгралась непогода. Порывистый ветер сметал с крыш снежную пыль. В воздухе кружились миллионы снежинок, и только кое-где сквозь серебристую пелену метели слабо блестели огоньки в домах да маячили уличные фонари.

Генрих оторвался от разложенных перед ним бумаг, время на часах показывало три часа ночи, подошёл к окну и приоткрыл его, вдыхая морозный воздух.

Вечер насмешливо свистел, раскачивая могучим дыханием деревья. Как хитрый зверь, он то затихал, прячась где-то за домами, то с новой силой начинал своё дикое веселье.

Очередной порыв ветра, внезапно налетев, грозно затряс оконную раму. Ветка старого тополя ударила по стеклу, словно кто-то неизвестный назойливо умолял пустить его в дом.

Генрих закрыл окно и выключил свет. Пора спать. Заснул крепко. Сон вышел беспокойным и непонятным...

...Он почему-то оказался в огромном пустом здании и начал бродить по пустым этажам, пока не зашёл в большой серый зал, к стене которого была приставлена лестница. Поднялся по ней на этаж, но и там было пусто. Стал подниматься выше. Залы сменялись один за другим,

и нигде не было ни души, а лестница уходила наверх. Генрих поднялся на мансарду и заметил в темноте у стены несколько каких-то бесформенных фигур или тряпья – хорошо разглядеть не получалось из-за тусклого света.

Под ногой что-то хрустнуло, он поднял с пола денежную купюру, кажется, китайскую. Нагнулся и увидел ещё несколько купюр разного достоинства. Стал собирать их, пока не почувствовал на себе чей-то взгляд.

Подняв глаза, обомлел, на него в упор смотрел демон – огромный монстр с телом быка и змеиным хвостом, на лбу которого сверкал каким-то адским огнём третий глаз.

Сжавшись от ужаса, Генрих пролепетал: «Монстр! Несущий чуму Монстр с горы Тайшань!». Монстр молчал, потом поднял волосатую лапу и, погрозив ею, не раскрывая пасти, выдохнул воздух. Генриху послышались чёткие слова: «Скоро приду-у... Обмелеют реки, озёра и болота, высохнут деревья и трава, а повсюду распространится чума ш-ш-ш...».

На каком-то, скорее, подсознательном уровне ему почудилось, будто весь мир принесён в жертву какой-то страшной неслыханной и невиданной напасти, идущей из глубины Азии на Европу. Все погибнут. Останутся избранные. В тела людей вселятся незаметные глазу существа, которые станут губить одного за другим...

Проснулся Генрих в холодном поту, мельком взглянул на будильник: за окном светало. Пора вставать.

## 2

Виной, быть может, наступающий високосный год, а может, грехи людские, но только появился он в Азии и начал своё шествие по миру, разрастаясь лавиной, охватывая море людское везде, где только оно было, собирал в жертву белые, жёлтые и красные расы по всей земле. И никто не знал, как спастись от него, как остановить. Началась паника. Люди стали бояться друг друга, ибо поражал он внезапно, коварно, скрываясь под личиной обычного недуга. Возникла необходимость немедленно создать противоядие, обнаружить очаг страшного, не допустить распространения заразы. Бросились на защиту человечества все врачеватели мира, забыв о междоусобных прениях меж своими государствами.

Комиссия по чрезвычайным ситуациям, созванная в связи с распространением нового вируса из Китая, проходила в Токио. На экстренное совещание приехали специалисты из многих стран: ведущие японские эпидемиологи, китайские вирусологи, профессора и доктора наук из Америки, Англии, Германии, Франции, Израиля и России.

Генрих Иванович Люнгер – потомок обрусевших немцев, доктор биологических наук, один из ведущих российских специалистов по глобальным эпидемиям и вопросам устранения применения биологического оружия, прилетел в Токио пару дней назад, но насладиться красотой города ему не удалось. Он тщательно готовился к совещанию, где должен был представить доклад и результаты работы с вирусом одной из ведущих российских лабораторий. Российские исследования уже дали некоторые положительные результаты, и ими необходимо было поделиться с коллегами.

Совещание получилось бурным. Генрих ждал своего слова и, когда настала его очередь, эмоционально выступил с докладом на английском языке. Докладчик напомнил присутствующим, что любой вирус нуждается в хозяине для размножения, но не всякий хозяин принимает вирус, а значит, имеет возможность сопротивляться ему. Поделится некоторыми наработками группы российских вирусологов, исследовавших кровь здоровых, заражённых и выздоровевших людей, пытаясь получить иммунный ответ, такой, каким он бывает у животных, которые зачастую справляются с инфекциями. Рассказал, каким является новый вирус и в чём его особенность, представив слайды на большом экране, показав наглядно внешнюю схожесть этого вируса с короной из-за наличия на его поверхности «шипов и отростков».

Коллеги встретили выступление Люнгера громкими аплодисментами, и теперь он возвращался в гостиницу в бодром настроении. Работу свою он сделал, теперь можно отдохнуть. Ему предстоял недельный отпуск, круиз «Китай – Япония». Учёный собирался побывать в городе Фудзи на острове Хонсю, в Осаке, Окинаве и на Тайване, вернуться через восемь ночей назад в Йокогаму и в тот же день вылететь во Владивосток, а затем в Москву.

Внешность Генриха ничем особенным не выделялась, скорее, была незаметной, выделяли его только пытливые глаза, светящиеся энергией и добродушием. Всюду приходился ко двору, куда бы ни попал, везде оказывался всеобщим любимцем, в работе ли, в обыденной ли жизни оставался верен себе, при этом всегда был готов и умел отстоять свою позицию. Им были довольны, но сам он вполне доволен собой не бывал. Не было в нём покоя, вечно что-то звало и манило, и он постоянно что-то искал. Холостяк, посвятивший себя науке, считающий, что мало кто из женщин способен выдержать совместную жизнь рядом с ним. Бесконечные командировки, отчёты по ночам, частые возвращения домой после полуночи, довели любую женщину до нервного срыва и, как следствие, расставания с ним.

Короткие отпуска и вояжи в разные страны он совершал в одиночку, предпочитая знакомиться в поездках с разными людьми. Владение несколькими языками: английским, французским, японским и немного китайским, давало ему возможность легко путешествовать в любой точке мира.

Будучи поклонником тишины и покоя, Генрих выбрал однокомнатную каюту с балконом на красивом огромном и надёжном круизном лайнере «Гранд Даймонд», способном разместить на своём борту три с лишним тысячи пассажиров и тысячу человек obsługi.

Утром Генрих быстро собирал вещи, их было немного: небольшой рюкзак с носильными вещами да чемоданчик с бумагами, флешками, справочником по вирусологии, микроскопом, несколькими увеличительными линзами, пробирками, прибором для взятия крови, растворами. Расплатившись за гостиничный номер, Генрих отправился на вокзал. Он решил добраться на западный берег Токийского залива – в Йокогаму на электричке.

### 3

Йокогама находилась в тридцати километрах к юго-западу от Токио. Благодаря близости к столице и удобному выходу к морю, этот город стал первым портом, открывшим свои воды для иностранных судов в 1859 году. В порту Йокогама много лет располагался штаб морских перевозок американского военного командования на Дальнем Востоке. Японскими властями было выделено восемь причалов для обслуживания вооружённых сил США. Добраться туда из Токио можно было несколькими способами: на пароме, такси, автобусе и поездом.

Генрих решил отправиться в путешествие скоростным поездом, он отходил от станции Shibuya и в пути находился всего полчаса. Устроившись поудобнее в комфортабельном кресле, расслабился и даже задремал, медленно погружаясь в историю Японии.

Сакоку – «страна на цепи», большей частью своей истории закрытая для иностранцев, посаженная на цепь сёгунами династии Токугава, и сделали они это по двум причинам.

Во-первых, высадившиеся в XVI веке на японских островах испанские и португальские торговцы активно насаждали христианство, плюс безответственные японские феодалы некоторых островов, например, Кюсю, которые не только принимали иезуитов с распостёртыми объятиями, но и сами массово и добровольно переходили в новую веру. Всё это было выгодно европейцам: они принимали участие в междоусобных конфликтах феодалов, и это приближало колонизацию всей страны.

Во-вторых, активная торговля с европейцами привела к появлению в японском обществе нового класса зажиточных купцов, чьё богатство и влияние быстро усиливалось.

Для борьбы с этими тенденциями сёгуна и решил на этот шаг – Сакоку. Была полностью запрещена «иноземная религия» и ввоз иностранных книг. Для профилактики показательно казнили нескольких миссионеров. Иностранцев высылали из страны, а японцам запретили выезжать за границу и строить большие корабли.

Но послабления случались. Голландским и китайским торговцам всё-таки оставили возможность для торговли, но только два раза в году и в единственном порту – Нагасаки.

Политика же Сакоку продлилась до 1853 года, когда США снарядили знаменитую экспедицию Перри. Американцев уже тогда интересовали японские острова в качестве промежуточной морской базы в Тихом океане.

Напугав отсталых японцев эскадрой военных кораблей, Перри вынудил их открыть свои порты западному миру. В результате в 1858 году в префектуре Канагава к югу от Токио началось строительство крупнейшего торгового порта Йокогама.

Очнулся Генрих от боли: кто-то наступил ему каблуком на ногу.

– Sorry! Please, excuse me...

Перед Генрихом стояла миловидная женщина с незащитными детскими глазами лет двадцати восьми-тридцати. Таких наивных ярко-голубых глаз он давно не встречал. Судя по акценту, она была англичанкой. Изящная блондинка с тонким, слегка вздёрнутым носиком, придающим игривое выражение лицу, с полными губками нежно-розового цвета, высокими скулами и заострённым подбородком напоминала настоящую аристократку прямой осанкой, тонкими руками, хорошим манерами, почти полным отсутствием косметики на лице. Выделялись её полные любопытства глаза и бледное удлинённое, как у многих англичан, лицо, наполненное каким-то внутренним светом.

– Пожалуйста, садитесь! – улыбнулся он женщине, невольно поправляя зачёсанную на лоб чёлку, и тут же представился: – Генрих. С кем имею честь?

Раскрасневшаяся попутчица присела в кресло напротив. Ей было неудобно перед иностранцем, которому она, по всей видимости, причинила боль. Желая как-то исправлять ситу-

ацию, вскинула глаза на мужчину, увидела широкое доброе лицо, густые каштановые волосы и тёплые карие глаза. Он довольно сносно говорил по-английски, но явно с русским акцентом.

– Мари, – представилась она. – Приятно познакомиться. Еду в Йокогаму в морское путешествие на круизном лайнере «Гранд Даймонд». А вы? – дружелюбно протянула тоненькую ручку.

– О! Я тоже собираюсь совершить путешествие на этом лайнере, – улыбнулся Генрих. – Наши планы совпадают. У вас отпуск?

– Отпустили всего лишь на десять дней, – улыбнулась Мари. – Ровно – долететь до Японии, провести неделю на теплоходе и вернуться назад. Всегда много работы.

– Мне это знакомо, – сочувственно закивал головой Генрих. – Сам через неделю должен вернуться в Москву.

Дорога до Йокогамы пролетела незаметно. Генрих расспросил попутчицу, откуда она и чем занимается. Девушка работала в модельном бизнесе администратором крупного магазина эксклюзивных платьев в Бирмингеме. Он, конечно, не вдаваясь в подробности, рассказал о своей работе в большой научной лаборатории и о поездке в Токио с докладом. Между ними сразу возникла взаимная симпатия. Мари мало увлекалась историей, которую обожал Генрих, но она была замечательным слушателем, быстро впитывала в себя различную информацию, связанную с японскими обычаями. Ведь эта страна очаровывает всех: одних – древними памятниками и необыкновенной природой, других – своими традициями и уникальной кухней.

Более всего Генриху понравилось, как тепло Мари отзывалась о людях. Она могла бесконечно говорить о внимательности и дружелюбности японцев, и он соглашался с ней, не заметив, как поездка подошла к концу. Поезд притормозил, Мари взялась за ручку чемодана на колёсиках. На перрон они вышли вместе.

## 4

Всех пассажиров лайнера за сутки до отправления селят в гостиницу и только на следующий день на автобусах организованно везут на посадку. Около перрона пассажиров ждали специальные автобусы, и все, кто отправлялись в круиз, тащили чемоданы, напоминая колонию разноцветных муравьёв. Публика выглядела разномастной: кроме огромного количества китайцев, тут были американцы, немцы, французы, англичане, украинцы, русские, поляки, чехи, норвежцы, датчане и кто-то ещё. Кто-то приехал на такси, другие взяли в аренду машину, третьи – на поезде, а парочка американцев и вовсе прилетела на частном вертолёте, распугав местных птиц.

В автобусе Генрих и Мари сели рядом, продолжая непринуждённо болтать. Договорились после расселения по номерам сходить перекусить в ресторан при гостинице, а потом прогуляться по вечерней Йокогаме.

Быстро разобравшись с вещами, Генрих ополоснулся в душе, разложил кое-какие бумаги на столе, чтобы вечером поработать с ними, и отправился в холл ждать Мари.

Двери лифта медленно открылись и... Генрих зажмурился. Навстречу плыла нимфа, нет – богиня, он даже не мог подобрать слова. Милое её личико было обрамлено белокурыми локонами, спускающимися лёгкими волнами на плечи и спину, миндалевидные, бездонной голубизны глаза, были всё так же заманчиво распахнуты, на блестящее платье цвета морской волны она набросила жакет с меховой оторочкой, её ровные ножки подчёркивали изящные туфельки на высокой шпильке. В руках Мари держала маленькую сумочку. Генрих громко прочитал Шекспира:

*Она затмила факелов лучи!  
Сияет красота её в ночи,  
Как в ухе мавра жемчуг несравненный —  
Редчайший дар, для мира слишком ценный...  
И я любил? Нет, отрекайся взор:  
Я красоты не видел до сих пор!*

– «Ромео и Джульетта!» – засмеялась Мари. – Я подумала, пока разбирала вещи, быть может, вы согласитесь сходить в другой ресторан? Здесь недалеко есть небольшой уютный ресторанчик «Matsuya», там недорого, но очень вкусно кормят: мисо-суп из смеси соевых бобов, риса и пшеницы, салаты и вкуснейшая свинина. Предлагаю пройти пешком.

– С огромным удовольствием! – галантно подставил ручку Генрих. – После предлагаю прогуляться к одной из достопримечательностей этого удивительного города – морской башне «Marine Tower». Поднимемся на обзорную площадку, посмотрим на гавань, из которой нам завтра уходить в море. Вы знаете, что эта башня – самый высокий маяк в мире?

– Я боюсь высоты, – засмеялась Мари.

– Ну вы же не одна, а со мной, – сжал локоток девушки Генрих.

До маяка «Marine Tower» они добрались ближе к вечеру. Их подняли на скоростном лифте на отметку сто метров на смотровую площадку. Открывшийся вид поражал любого забравшегося на столь большую высоту. С одной стороны был виден весь порт с пришвартованными судами, большими и малыми, однопалубными и многопалубными лайнерами, катерами, прогулочными кораблями. С другой – открывался вид на Йокогаму.

Непринуждённое общение очень быстро их сблизило. Мари казалось, будто она знает этого мужчину много лет, столь дружески и весело они болтали. Время летело незаметно, вот-

вот огромной тёмной птицей опустится ночь, мягко укрыв прекрасный японский город распростёртыми крыльями, пахнущими морем и цветами.

Мари прижалась к Генриху худеньким телом, его бросило в жар. Смеркалось, на маяке зажглись огни, и вся башня начала переливаться разными цветами. Стало совсем холодно. Генрих мягко обнял Мари и ещё крепче прижал к себе. Она подняла лицо, уголки губ слегка растянулись в улыбке, которая ещё больше оживила её лицо. Глаза их встретились.

Генрих невольно приблизил свои губы к её губам: ему внезапно так сильно захотелось коснуться их, раствориться в сладостном плену, окунуться в пучину нежности, утонуть в океане страсти... Качнув головой, он попытался стряхнуть наваждение, но Мари, почувствовав его порыв, прикрыла глаза и потянулась ему навстречу. Его обоняние уловило лёгкий запах французских духов, и тот неповторимый, едва чувствуемый аромат желанной женщины. Его горячие губы едва коснулись её – нежных, но уже ждущих поцелуя. Их переполняла теплота и губы, слитые в простом касании, приобрели жар, рождая страстный поцелуй.

А потом случился момент неловкости, словно оба устыдились содеянного, и в тоже время оба наполнились новыми чувствами. Они не знали, будет ли второй поцелуй, а если и будет, то когда, ведь завтра они сядут на огромный лайнер и окажутся в разных каютах, на разных палубах, а через восемь дней разъедутся в разные концы мира.

Пока они шли, держась за руки, по вечерней Йокогаме. Пахло морем, шелестела листва, кругом переливались вывески.

Сначала молчали, будто боясь нарушить гармонию происходящего. Им было хорошо, и не хотелось ничего говорить. Казалось, что счастье исходит отовсюду: от всегда улыбающихся японцев, деревьев, домов, кошки, приютившейся на скамейке. Оба понимали, что такого больше никогда не повторится... Не повторяются первые поцелуи, никогда не повторяются. Завтра всё будет иначе, такого пьянящего восторга и чувства полёта уже не испытать, как и не подняться больше на этот маяк в далёком городе Йокогама.

Они забрели в книжный магазин. Генрих увидел на полке какую-то книгу, взял её:

– Мари, ты любишь детективы? Читала книгу Николаса Обрегона «Голубые огни Йокогамы»?

– Детективы люблю, а вот такого писателя не знаю, – задумчиво ответила Мари.

– Вот, смотри. Писатель очень интересный, – продолжил Генрих. – Обрегон – британско-испанского происхождения, вырос между Лондоном и Мадридом. Работал стюардом на стадионе, писал путевые очерки о туризме и путешествиях, а потом получил должность редактора в юридическом издании. Япония очаровала его ещё в детстве, но окончательно он влюбился в эту страну, когда впервые посетил её по заданию журнала. Очень советую прочитать его роман. Можно купить в дорогу. Кстати, в основу сюжета книги «Голубые огни Йокогамы» легло реальное расследование жестокого убийства обычной японской семьи в Токио в 2000 году.

– Да! Конечно! – живо откликнулась Мари. – Будет чем заняться вечерами в каюте. А расскажи мне о своей работе!

– Не знаю, насколько это интересно, но если в общем, то я вместе с коллегами изучаю разные штаммы вирусов. Сначала мы выявляем происхождение вируса, потом ищем вакцину. Для этого нам нужно много образцов крови у разных людей, животных, чтобы проверять на них действие вируса. В Токио я приезжал с докладом о новом вирусе, появившемся месяц назад. Это маленький коварный враг, поражающий людей любого возраста. Для обсуждения этой проблемы в Токио собрались специалисты всего мира.

– А откуда они берутся, эти вирусы? – спросила Мари.

– Начнём с того, что такое вирус. С латыни это значит «яд». Это неклеточный инфекционный агент, который может воспроизводиться только внутри живых клеток. Вирусы поражают все типы организмов – от растений до животных и человека.

– Какой ужас! – всплеснула руками Мари. – А как заражается человек?

– Разными путями: с водой, пищей, при половых контактах или воздушно-капельным путём. Чихнёт какая-нибудь заболевшая старушка в автобусе или метро, остальные подхватят малюсенькие капельки слизи из воздуха...

– А какой вирус ты сейчас изучаешь? – спросила Мари.

– Чуму двадцать первого века – китайского демона, – улыбнулся Генрих. – Для себя я его назвал «Монстр». Зародился он предположительно в научной лаборатории, расположенной недалеко от рынка морепродуктов в одном из китайских городов. Учёные из Китая предполагают, что вспышку инфекции могли вызвать эксперименты на летучих мышах. Поначалу подопытные мыши были заражены тем штаммом, который не мог передаваться человеку, но произошла какая-то мутация, и вирус поразил человечество. Но здесь остаётся очень много вопросов. Действительно ли этот вирус – животного происхождения, а не часть биологического оружия, направленного на человечество. У меня с собой все последние наработки российских учёных и даже маленькая переносная лаборатория. Сразу после возвращения из круиза я должен вернуться на работу, так как мне удалось получить здесь, в Японии, несколько образцов крови и обработать их, и у меня появились новые данные. Мари, давай не будем забивать твою хорошенькую головку такими сложными темами. Расскажу-ка тебе лучше забавную историю. Встречаются как-то двое. Один другому говорит: «Я вчера такую красотку в постель уложил!» А второй ему – грустно: «А мне не везёт, одни старухи попадаются...» И оба вируса гриппа полетели дальше в разные стороны.

– Насмешил, – сморщила носик Мари. – А я знаю только про компьютерные вирусы. И рассказать могу разве о платьях нашего магазина. Люблю слушать классическую музыку, иногда езжу кататься на лошадях, это моё любимое хобби. Ну, вот мы и дошли до гостиницы. Спасибо за книгу. Сейчас же начну читать.

Генрих затоптался на месте, ему ни за что не хотелось отпускать этот хрупкий золотистый цветок на тонком стебле.

– Может, выпьем по чашечке кофе у меня в номере? Я сейчас закажу.

– Нет-нет, – покраснела Мари. – Завтра утром рано вставать. Сегодня был незабываемый вечер, мне нужно немного отдохнуть. Благодарю за прогулку. У тебя добрые глаза. До встречи.

Генрих почувствовал лёгкий поцелуй в щёку и услышал звук удаляющихся каблучков.

## 5

Утро выдалось суматошным. Генриху не хотелось толкаться в ресторане гостиницы у шведского стола, и он заказал завтрак в номер. К тому же, он почти до утра писал отчёт по новым образцам крови и мысленно благодарил коллег из разных стран, позволивших взять пробы их крови. Таким образом у него оказались образцы с разных континентов. Это было важно.

Едва он успел выпить чашечку крепчайшего кофе, как по радиосвязи сообщили, туристы из каких номеров приглашаются в автобус для отправления в порт.

Всё было организовано очень чётко. Их подвезли к белоснежному красавцу – огромному кораблю-дому, который выглядел длиннее Эйфелевой башни и весом казался более десяти тысяч слонов. Морской гигант, приветливо распахнув нижние двери, в которых встречал гостей улыбающийся персонал, подмигивал туристам светящимися окошками.

У причала уже собралось много народу, и теперь люди группами проходили оформление. После всех просили оставить вещи в каютах и пройти в большой конференц-зал, где, по правилам, рассказывали о мерах безопасности на лайнере, питании, распорядке дня и экскурсиях.

Генрих вошёл в каюту. Она была довольно большой, около пятнадцати метров. В ней нашли своё место телевизор – на стене, шкаф для вещей, сейф, огромная кровать, трюмо, душ, санузел, стол для работы, холодильник. Сбоку – прозрачная дверь на балкон, через неё была видна вода за бортом корабля.

Генрих вышел на балкон. Он был небольшим, с двух сторон – тонкие невысокие стенки, так что можно общаться с соседями. На балконе стояло кресло, которое легко раскладывалось в лежак, и журнальный столик.

Он залюбовался морем. Бегущие волны словно спешили поздороваться с ним, по ним бегали белые барашки, а над барашками кружили чайки. Море выглядело большим живым организмом, сильным и бескрайним, оно менялось каждую секунду: то спокойно дремало, то волновалось, то грозило, то успокаивало. По телу пробежала лёгкая волна умиротворения, и Генрих вернулся в каюту.

На стенке рядом с трюмо висел распорядок дня и мероприятия на всю неделю. Питание выглядело практически непрерывным, развлечения тоже. Завтрак начинался в пять утра, ужин заканчивался в полночь. Здесь же, на краю трюмо, лежала ежедневная круизная газета.

Быстро разложив вещи в шкаф и спрятав в дальний угол чёрный чемоданчик, Генрих сполоснул руки и отправился в центральный зал получать инструктаж. Зал занимал чуть ли не половину задней части судна и мог в себя вместить одновременно всех пассажиров лайнера.

У входа стояло несколько столов, за которыми сидели работники общепита. Прежде чем войти внутрь, нужно было зарегистрироваться у них. Питание проходило в две смены.

Генрих набрал номер Мари:

– Ты знаешь, какая любовь самая чистая и простая?

– Какая? – засмеялась Мари.

– Самая чистая и простая – любовь к еде, – ответил Генри. – Мне очень хотелось бы сидеть с тобой за одним столиком, поэтому я как самый верный на свете рыцарь жду мою даму сердца у регистрационных стоек.

Вводный инструктаж прошёл весело. Пассажирам рассказали про распорядок дня на судне, показали, как пользоваться спасательными жилетами и пригласили всех пройти на праздничный обед в честь отправления в морское путешествие.

Обеденный салон был отделан резными покрашенными панелями. Пространство столовой позволяло перемещаться между столами, которые накрывались на гостей от двух до восьми человек. Перед едой всем предложили коктейли. Меню состояло из разных перемен блюд,

здесь присутствовали кухни многих стран мира: японская, китайская, средиземноморская, русская, итальянская, мексиканская, вегетарианская. Каждый мог выбрать по своему вкусу.

Столик, за который распределили Мари и Генриха, был рассчитан на шесть персон, и, когда они вошли в столовую, за их столиком уже сидел седой мужчина с крупным восточным носом и цепкими глазами.

– Семён Кац, – слегка приподнялся пожилой израильтянин. – На ближайшие дни я – ваш сосед. К нашему замечательному столику прикреплен свой официант, зовут его Харуто Катаяма. Сейчас он принесёт меню. Вы муж и жена?

– Нет, – смутилась Мари. – Мы познакомились совсем недавно. Мы даже из разных стран.

– Тут все из разных стран, – хохотнул Кац. – Из каких же вы?

– Я из Англии, а Генрих из России, – ответила Мари. – А вы?

– О! Где же ещё жить еврею, как не в Израиле. Израиль – самая древняя цивилизация. Мы начинали там с Авраамом, Исааком и Иаковом. Ничего хорошего, скажу я вам. Первый раз мы вернулись с Моисеем и немного-таки там пожили – пока нас не вышвырнули вавилоняне. Потом нас привёл Зоровавель, он же «семя Вавилона», но Тит сжёг Храм, и римляне заставили нас снова уйти. Две тысячи лет странствий по миру дали нам всего-навсего Спинозу, Маркса, Эйнштейна, Фрейда и Шагала, и мы сказали: «Достаточно! Возвращаемся обратно в Израиль». Это из краткой истории. Я живу в Израиле последние тридцать восемь лет, до этого жил в Ленинграде, да, тогда это был ещё Ленинград. Смотрите! Кажется, эти двое тоже идут к нашему столику.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.